

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ

Основной вопрос русской философии

Дмитрий Герасимов

**Основной вопрос
русской философии**

«Издательские решения»

Герасимов Д.

Основной вопрос русской философии / Д. Герасимов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831949-5

В книге рассматриваются исторические условия формирования русской философии. На основании внутренней логики и незавершенности ее развития ставится задача пробуждения русской мысли, но не через отталкивание от современности, а, напротив, через соединение с нею как феноменом, непреднамеренно порождаемым христианством.

ISBN 978-5-44-831949-5

© Герасимов Д.
© Издательские решения

Содержание

Основной вопрос русской философии1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Основной вопрос русской философии

Дмитрий Герасимов

© Дмитрий Герасимов, 2019

ISBN 978-5-4483-1949-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Основной вопрос русской философии¹

Главную причину особенного, внеисторического характера русской культуры, а следовательно, и русской философии следует искать в *несформированности христианской мысли*, отсутствии школы рационального мышления в христианстве. Последнее было предопределено бесписьменным характером древнерусской культуры, к которой искусственным образом прививалось богатейшее древо христианской письменности и связанной с ней мысли. Неравные стартовые условия, связанные с наличием глубокой языческой традиции, составившей интеллектуальную оппозицию на Западе, и отсутствием таковой в Восточной Европе (христианскую книжность на Руси просто не с чем было сопоставить), в дальнейшем сильно повлияли на процессы христианизации двух культур, сформировали различные пути христианского Востока и христианского Запада.

Позднее образование государства и недолгий период существования крупных городов не способствовали появлению языческого текста². Пришедшие на Русь вместе с христианством письменность и книга не имели стимула идейной дискуссии и не могли существенным образом повлиять на развитие культуры, основной массив которой и много веков после принятия христианства продолжал транслироваться прежним – дохристианским, доцивилизованным – способом, характерным для всех родоплеменных обществ – через устный рассказ, различные «художества», пение, сказку и т.п., исходившими из родового, мифологического сознания, свойственного языческой культуре. Христианское просвещение не могло затронуть глубочайшие слои народной души, оставшейся во многом языческой и по сей день, не потому только, что даже простая грамотность была мало востребована сначала древнерусским (допетровским) обществом, а затем и петровским просвещением, охватившем небольшую культурную прослойку, а потому прежде всего, что сама культура в том, в чем она и держалась – в народном, культурном сознании, *не нуждалась в книге* и чаще всего рассматривала последнюю в качестве не своего собственного, а основания «другой», хотя и более «высокой», но привнесённой (и в этом смысле – необязательной), сначала церковной («греческой»), а затем и западной («латинской», «немецкой» и т.п.) культуры.

Точно так же и в христианстве бесписьменная культура восприняла прежде всего то, что в нем самом было бесписьменного – культ и обряд. Так в русском христианстве на первый план выдвинулись основы не концептуальные, а внешние и производные от них. Христианство было воспринято прежде всего «сердцем» (эстетически), а не мыслью (с включением рациональных структур), мысль так и осталась нехристианской или даже дохристианской – синкретичной по форме и языческой по содержанию (духу). Образовалась устойчивая традиция недоверия к рациональному мышлению, лишь по видимости отражавшая христианскую направленность мысли: «Аз бо не во Афинех ростох, ни от философ научихся, но был падая аки пчела по различным цветом и оттуду избирая сладость словесную, и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую» («Послание» Даниила Заточника)³. Как бы не были замечательны сами по себе храмовое зодчество и иконопись, сколь бы не было велико значение богослужб-

¹ Впервые: Герасимов Д. Н. Исторические условия возникновения и основной вопрос русской философии // Наука, религия, образование (тематический сборник). Уфа: Уфимский государственный институт сервиса, 2005. С. 119–134.

² На родоплеменном уровне, как показывает история многих народов, письменная книжная культура даже при существовании примитивных письмен (на Руси такими, вероятно, являлись знаменитые «черты и резы») не зарождается (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. Э. Д. Днепров. М.: Педагогика, 1989. С. 27–28).

³ Данный стереотипный оборот, встречающийся в качестве житийного топоса, с рядом вариаций, был весьма устойчив в византийской и славяно-русской литературе (Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. М.: ИФ РАН, 1997. С. 44).

ной практики, обрядов, постов и т.п., а все же этого совершенно недостаточно для формирования «формальной», отвлеченной христианской мысли, способной «на равных» конкурировать и с развитой языческой мыслью классической древности и с новейшими умственными движениями и интересами. Здесь показательны история вольнодумной ереси «жидовствующих», в конце XV – начале XVI в. получившей широкое распространение в силу умственной отсталости тогдашнего русского общества – его «малокнижности», начетничества и просто невежества⁴, а так же история выдающегося русского просветителя и проповедника Максима Грека (Триволиса) – европейски образованного представителя христианской мысли XVI в., в столкновении с русской действительностью чья жизнь превратилась «в житие, в трагедию»⁵. Вообще, когда древнерусский книжник с восхищением и благоговением отзывается, к примеру, о греческих философах или «мудрости» как таковой, здесь нельзя обольщаться – такое отношение свидетельствует скорее в пользу того, что сам он остается сторонним наблюдателем, а не живым участником диалога мысли. В условиях полного безмыслия и «невегласия», каких являло собой русское общество, даже то малое, что удавалось сделать русским книжникам (например, имевшая первостепенное значение богословская полемика вокруг монастырского «стяжания»), все же представляло собой настоящий подвиг мысли.

Христианская книжность, необходимость которой диктовалась жесткими условиями языческой образованности (составившей светские «квадривиумы» средневековых университетов) проще говоря – Библия, книги Ветхого и Нового Завета, положенные в основание Западной культуры, вызвали к жизни уникальный феномен средневековой мысли, получившей название «схоластики» (от лат. «школа»). Возникшее в результате пространство текста сформировало адекватное этому пространству мышление, ориентированное прежде всего на работу со словом как понятием и с выражением (высказыванием) – как логикой отвлеченной мысли: уже с XII—XIII вв. (с т.н. спекулятивных грамматик) начинается европейская семантическая традиция по разработке чистого универсального языка, формально не противоречивого и однозначного, столь необходимого для жестких теологических споров⁶. Напротив, отсутствие острых дискуссий по религиозным вопросам, отсутствие сколько-нибудь заметных по своим различиям школ и направлений религиозной мысли, практически полное отсутствие формального аппарата мысли (философии) и невозможность его выработки или даже простого заимствования в силу элементарной не востребованности – вот то, что делало абсолютно невозможным формирование самостоятельной христианской мысли, т.е. такой мысли, которая была бы не только формальной наукой, но при этом опиралась бы и на христианский духовный опыт⁷. В свою очередь, отсутствие строгой логики религиозного мышления не позволяло выработать рационального отношения религиозного сознания прежде всего к миру как ценностно безразличному субстрату духовной жизни, делало всю систему русской культуры крайне аморфной по форме и синкретичной по содержанию. В культурном сознании христианские темы самым причудливым образом сплетались и даже сплавлялись в единое целое с дохристианскими, языческими, которые в этом смысле ничуть не притеснялись, а лишь получали новую – «христианскую» – символику, что доходило до крайностей в так называемом двоеверии, когда, наряду с христианскими, сохранялись и даже усиливались откровенно языческие, племенные обычаи и нравы. Пространство бесписьменной культуры делало устойчивым и соответствующим ему –

⁴ Карташев А. В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М.: Терра, 1992. С. 502.

⁵ Отлучение от церкви и почти 30 лет тюремно-монастырского заточения – обычная цена даже для малых проблесков независимости в мысли (Там же. С. 469).

⁶ Вашестов А. Г. Джованни Бонавентура и метаморфоза схоластического дискурса // Вопросы философии. 1993. №8.

⁷ Латинский (как, впрочем, и греческий) текст, служивший на тот момент основным носителем философской культуры, бывший на Западе и языком религии, на Руси заменяли «переводы». Но даже и богослужебные, церковнославянские тексты на протяжении столетий на Руси предпочитали заучивать наизусть «на слух», обходясь таким образом без элементарного умения читать и писать.

«бесписьменный» – тип мышления, в котором образность и красота компенсировала отсутствие понятийной логики, а господствующая эстетическая интуиция «целого» исключала саму возможность появления «независимого» текста, априори включая его в иерархию нравоучительного (или жизнеучительного) речения (или беседы).

Внешнее единство и цельность этого мышления вовсе не соответствовали внутренней драме, глубочайшему расколу, столь характерным для христианского сознания, что в первую очередь выражалось в отсутствии подлинно христианского переживания *истории* и истории как таковой (прежде всего как «места» приложения *собственных сил человека* по благодати Божией). Круженье лет и дат от Рождества Христова пришло на смену круженью лет и дат от Сотворения Мира, но сущность бесконечного «возвращения», выражающего тщету человеческих стремлений, осталась та же. Выпадение из истории, сокрытость исторической перспективы – неизбежный результат отсутствия разработанной логики религиозного мышления. Общая для всех христианских народов (в силу общности как римо-византийских, так и ветхозаветных истоков) идея христианской империи лишь в России приобрела статус племенной идеологии (концепция «Москвы – Третьего Рима») и при первом же серьезном столкновении с действительностью (с соседями) привела к глубочайшему срыву всей системы мировоззрения – к «смуте», а затем и к расколу церковно-народного сознания.

С самого начала образовавшийся колоссальный *разрыв* между книгой и культурой, в основе своей остававшейся бесписьменной (а таковой она будет оставаться в подавляющей массе народной, крестьянской жизни – с естественным сохранением родоплеменных обычаев, сопутствующим им «коллективистским» мировоззрением и т.д., вплоть до начала XX века), в дальнейшем будет лишь усиливаться, дойдя до известного максимума в церковном расколе XVII в., когда книга во второй раз (после крещения Руси) окажется в роли исключительно внешнего («священного») орудия «исправления» культуры, такого же, как культ или обряд. Таким образом, к началу радикальных петровских преобразований не только русское культурное сознание, но даже и сознание церковное окажется в ситуации несформированности, а попросту говоря – *отсутствия христианской мысли*, а христианство в целом так и не успеет войти в разум культуры, соделаться подлинным основанием ее исторической жизни и развития. Все это самым пагубным образом скажется и на судьбе русской философии и на судьбе русской культуры в целом.

От Киевского княжества через Ордынское владичество к Московскому государству и под конец – выпавшая из истории, пережившая страшную смуту, без христианской философии и начатков понимания «особой», практической значимости мирской деятельности *независимо* от религиозного сознания, с обескровленным церковным и народным сознанием, все еще сохранявшим исходную «бесписьменную» цельность, но страстно желавшая «исправления» культуры (начав это исправление при Алексее Михайловиче и патриархе Никоне с *правки книг*) – такой Россия подошла к петровским преобразованиям, острая необходимость которых обуславливалась всем ходом предшествующей истории.

Однако система государственного образования и устройства всей жизни, вводимая Петром Великим, представляла собой прямое копирование лишь той части западной секулярной культуры, которая не имела самостоятельного значения вне всей системы культуры, поскольку в основе своей предполагала развитое христианское сознание (прежде всего в его отношении к миру). Появление (начиная с эпохи Возрождения) светской культуры, ориентированной на деятельность «в миру» независимо от религиозного сознания не было ни случайным, ни тем более – возвратом к временам языческим (язычество не допускает существования сфер культуры, не подотчетных религии, поэтому возрожденческий период увлечения античной мифологией, как и языческой магией, оккультизмом, астрологией и т. п. был *недолог*), а явилось следствием завершения процесса формирования основной логики христианской культуры, постепенно дифференцировавшей божественное и человеческое, тварное и нетварное,

и в этом смысле – следствием непреднамеренным, поскольку забота о мире самом по себе никогда не входила в круг христианских обязанностей. Иными словами, «западный секуляризм» мог существовать и действительно существовал лишь при условии доминирования в системе культуры *христианской* логики мысли.

В деятельности же Петра действительность опережала сознание, ибо такова была насущная потребность. Религиозное сознание, с одной стороны, ушедшее в непримиримый раскол, с другой – властной рукой включенное в систему государственного надзора, не могло – ни составить целостной картины происходящего, ни тем более измениться в соответствии с требованиями христианской культуры. В этом отставании (в силу объективных причин) и были заложены зерна будущего стремительного взлета, а затем и падения русской культуры. Радикальные реформы Петра послужили началом формирования двойственного феномена русского идеализма и русской беспочвенности, когда секулярное сознание фактически насаждалось в условиях отсутствия развитой христианской мысли, и, таким образом, лишь усиливало изначально существовавший раскол между книгой (христианской книжностью) и культурой, инсталлируя этот раскол вглубь самой культуры, разрывая последнюю на две, по видимости – противоположные, но в действительности – глубоко связанные, взаимообусловленные части (в точном соответствии с «одномерной» логикой идеалистического мышления). К концу периода существования императорской России тонкая культурная прослойка «европейски» мыслящих людей пребывала в «башне из слоновой кости» в окружении моря темной, необразованной, племенной Руси.

С одной стороны, то, что на Западе было только религиозно-нейтральным («лаическим»), то в России быстро эволюционировало в отрицание религии и морали, в непримиримую борьбу с ними, и как следствие – в социально-политический радикализм. «Запад создал научный дух, который и там был превращен в орудие борьбы против религии и метафизики. Но Западу чужды славянские крайности; Запад создал *науку*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.